

УДК. 327:355/359

Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783)

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРО НАТО НА ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2022 КРИВОЛАПОВ Олег Олегович*

Кандидат политических наук

Институт США и Канады РАН, 121069, Россия, Москва, Хлебный пер., 2/3.

**E-mail: o.krivolapov@iskran.ru*

Поступила в редакцию 27.12.2021

После доработки 23.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Руководство США и НАТО утверждают, что Москва развернула ракеты средней дальности в европейской части страны и, кроме прочих мер регионального сдерживания России, планируют усиление региональной ПРО НАТО. Цель статьи – определить потенциальное влияние усиления региональной ПРО (ПРО театра военных действий, ТВД) блока НАТО на региональную безопасность. Ответ на этот вопрос важен для понимания перспектив европейской безопасности. В статье проведён критический анализ предлагаемых западными экспертами сценариев действий России и НАТО в отношении стран Балтии, места и роли систем ПРО ТВД в них, сопоставлены доктринальные установки США и России в сфере регионального неядерного сдерживания. Выявлены ситуации, в которых усиленная региональная ПРО НАТО помогла бы альянсу укрепить региональное сдерживание, и ситуации, где это менее вероятно. С учётом доктринальных установок обеих сторон сделаны выводы о дестабилизирующем потенциале усиления региональной ПРО НАТО и о безальтернативности контроля над вооружениями и режимов прозрачности в укреплении региональной стабильности.

Ключевые слова: региональная ПРО, ПРО театра военных действий, НАТО, Россия, сдерживание, политико-военный кризис, неядерное сдерживание, меры «до пуска», «эскалация для деэскалации».

DOI: 10.31857/S020170832203010X

EDN: GGOQUV

Важной частью проблематики международной безопасности является тема европейской безопасности. Отношения России и НАТО, а также России и США находятся в самой низкой точке со времён холодной войны. Экспертное сообщество усиленно ищет способы снижения рисков прямого военного столкновения обеих сторон¹. Одно из центральных мест среди многих вопросов отношений России и НАТО занимает проблема противоракетной обороны (ПРО). Официальная Москва говорит о системах ПРО “*Aegis Ashore*” в Европе как о части проблемы стратегической стабильности, как о перспективной угрозе для стратегических ядерных сил РФ. Российская сторона также рассматривает ПРО в рамках темы приближения инфраструктуры НАТО к границам России. У проблемы ПРО существует очень важное региональное измерение. Развал Договора о РСМД повысил вероятность развёртывания ракет средней и меньшей дальности в Европе. В этом контексте возрастает роль региональных систем ПРО (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД).

Проблема ПРО в основном изучается учёными и экспертами в России и США как часть тематики стратегической стабильности в российско-американских отношениях [Rogov, 2021; Есин, 2017; Thielmann, 2020]. Гораздо меньше обсуждается подобное влияние ПРО ТВД на региональную стабильность [Дворкин, 2019]. В отличие от стратегической ПРО системы ПРО ТВД имеют гораздо больше удачных перехватов на испытаниях. Интерпретация этого факта как показателя более высокой надёжности данных систем является одной из причин, почему почти не ставится под сомнение стабилизирующий потенциал ПРО ТВД для региональной обстановки. Другая причина – мнение о противоракетной обороне как исключительно оборонительном средстве, способствующем стабилизации, особенно в нестратегическом, региональном контексте.

Многие специалисты признают, что ядерный конфликт РФ и США/НАТО возможен как результат эскалации неядерного конфликта в развитии политико-военного кризиса в Европе. В массиве исследовательской литературы на эту тему есть целый ряд статей, где упоминается фактор ПРО ТВД. Практически везде это

¹ Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе. ИСК РАН, ИЕ РАН. Декабрь 2020. URL: <http://iskran.ru/rossiya-nato-novye-rekomendacii-ekspertov/> (дата обращения: 01.02.2022)

Экспертный диалог по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе. Семь рекомендаций. ИСК РАН, ИЕ РАН. Февраль 2022. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/group-statement/the-expert-dialogue-on-nato-russia-risk-reduction-seven-recommendations/> (дата обращения: 01.02.2022)

упоминание идёт на уровне отдельных тезисов в рамках статей, посвящённых более общим вопросам. Например, в рамках отношений США и союзников в Европе [Früling, 2016; Kühn, 2018], перспектив развёртывания ракет средней дальности [Kühn, 2019; Simon, Lanoszka, 2020], российских высокоточных вооружений большой дальности [Johnson, 2017], доктрины «эскалации для деэскалации» [Kort et al., 2019; Anderson, McCue, 2021; Kroenig, 2018; Kofman, Fink, Edmonds, 2020]. Практически нет исследований, специально посвящённых анализу фактора региональной ПРО в контексте действий США и НАТО по региональному сдерживанию России в Европе. Данная статья является развитием исследований автора на тему влияния региональных архитектур ПРО США на региональную стабильность [Криволапов, 2021].

Цель статьи – определить, каким образом усиление архитектуры ПРО НАТО может повлиять на региональную безопасность. В этой связи нужно ответить на следующие вопросы: (1) Поможет ли усиление региональной ПРО (а) сдержать предполагаемую западными экспертами и руководством НАТО наступательную операцию войск РФ в регионе, проводимую Москвой с применением неядерных ракет и с последующей угрозой применения ядерного оружия в рамках приписываемой России доктрины «эскалация для деэскалации»? (б) сдержать применение Россией ракет в ядерном оснащении в рамках указанного сценария? (2) Нарушит или укрепит региональную стабильность усиление ПРО ТВД блока НАТО? За пределами статьи остаются такие темы как влияние ПРО в Европе на стратегический баланс между РФ и Соединёнными Штатами, а также пути эскалации ядерного конфликта России и США/НАТО от регионального до стратегического уровня.

Речь пойдёт только о региональной ПРО (ПРО ТВД) НАТО, под которой понимаются системы, предназначенные для защиты от баллистических ракет с дальностью менее 5500 км, а также от крылатых ракет различной дальности¹. Они могли бы применяться для усиления архитектуры ПРО ТВД. Необходимость учёта систем ПРО ТВД стран НАТО (в том числе, присутствующих в Европе американских систем ПРО) обусловлена существованием долгосрочных планов США по интеграции их в единую архитектуру через центр командования и контроля ПРО НАТО на авиабазе Рамштайн (Германия)². К наступательным ракетам РФ, о которых пойдёт речь в статье, относятся оперативно-тактические ракеты (дальность 100–500 км), крылатые ракеты морского и воздушного базирования (КРМБ, КРВБ), гиперзвуковые аэробаллистические ракеты, а также разрабатываемые баллистические и кры-

¹ С учётом имеющихся у России ракетных систем имеются в виду следующие системы ПРО и ПВО/ПРО стран НАТО: “Aegis”, “Patriot”, SAMP/T с соответствующими моделями противоракет SM-2, SM-6, PAC-3, “Aster”. В документах НАТО говорится только о «ПВО/ПРО» (*air and missile defense*), куда входят все эти системы. Кроме того, перехватчик SM-6 официально заявлен как часть потенциала в сфере защиты от гиперзвуковых вооружений (См. Vice Admiral Jon A. Hill, Director, Missile Defense Agency Before the Senate Armed Services Committee, 09.06.2021, p. 16.). Он также может использоваться как наступательная ракета для уничтожения наземных и надводных целей на дальности до 240 км.

² Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 71, 77.

латые ракеты наземного базирования и гиперзвуковые ракеты морского, воздушно-го и наземного базирования (дальность менее 5500 км).

Понятие «сдерживание», являющееся одним из основных для данного исследования, имеет два толкования. Первое – «сдерживание через угрозу наказания» (*deterrence by punishment*). Второе – «сдерживание через препятствование» (*deterrence by denial*), а именно – создание военных возможностей для предотвращения успеха потенциальной агрессии [Mazarr et al., 2018: 7–8]. Первое чаще всего ассоциируется с развёртыванием наступательных вооружений, второе – оборонительных.

«Региональное сдерживание» связано с действиями сторон в рамках регионального противостояния. Под регионом имеется в виду Европа, в частности, её Прибалтийский субрегион. В отличие от стратегического сдерживания региональное сдерживание с участием ПРО ТВД и неядерных ракет не подразумевает уничтожения России или блока НАТО как таковых в результате первого и ответного ударов. Поскольку есть риск эскалации обычного вооружённого конфликта РФ и НАТО на ядерный уровень, в региональном контексте также требуются ответы на указанные выше вопросы об эффективности сдерживания наступления и ракетных пусков.

Другое ключевое понятие – «политико-военный кризис». Его основные составляющие: риск вооружённого столкновения (в том числе, непреднамеренного, в результате недопонимания намерений какой-то из сторон или обеими сторонами из-за нехватки информации и ухудшенной коммуникации между ними), психологическое давление извне на руководство вовлечённой в кризис страны, исключительно низкий уровень доверия сторон противостояния друг другу, наличие хотя бы у одной из сторон страха внезапного нападения [Schelling, 2008: 95–101]. Соответственно, под «региональной стабильностью» в данной статье понимается ситуация отсутствия политико-военного кризиса.

Вклад в региональное сдерживание

Российские ракеты с дальностью менее 5500 км были официально названы в числе ракетных угроз для войск США и их союзников в «Обзоре ПРО-2019». Представители администрации Дж. Байдена на слушаниях в Конгрессе повторили данную позицию. В Брюссельском коммюнике НАТО в июне 2021 г. в связи с этим отражено намерение усилить ПВО/ПРО НАТО¹. Указанные наступательные ракеты Вашингтон считает частью российского потенциала «перекрытия доступа» (*anti-access/area denial, A2/AD*), который в случае регионального политико-военного кризиса в Европе даст России преимущество². Хотя основой потенциала «перекрытия доступа» американские военные называют системы ПВО/ПРО и ракетные комплексы береговой обороны, у наступательных ракет – вспомогательная роль, состоящая в недопущении свободного движения войск НАТО и прихода подкрепления

¹ Brussels Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels. 14.06.2021.

² Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 18.

Европе из США. Соответственно, одна из задач региональной ПРО, включая ПВО/ПРО НАТО, – препятствовать стратегии «перекрытия доступа»¹.

Как наиболее вероятный сценарий применения указанных ракетных и противоракетных вооружений в Европе военные и гражданские эксперты стран НАТО называли агрессию России против стран Балтии [Kelly, Gompert, Long, 2017: 140–163, 167–180; Hodges et al., 2020; Brauß, Rácz, 2021]. По их оценкам, хотя общая численность обычных вооружённых сил (ОВС) стран НАТО выше общей численности российских ОВС, в районе Прибалтики у России есть численный перевес над силами НАТО, а также развёрнуто множество средств из потенциала «перекрытия доступа». Это, по мнению западных экспертов, создаёт условия для стремительного локального наступления России на страны Балтии, и для поддержки такого наступления Москва применит неядерные ракеты морского, воздушного и наземного базирования с дальностью менее 5500 км. По мысли авторов докладов и представителей военно-политического руководства США и НАТО, Россия, взяв под контроль определённую территорию в Прибалтике, будет угрожать применением тактического ядерного оружия, чтобы не дать остальным странам НАТО вмешаться в происходящее и вытеснить российские войска обратно.

Региональная ПРО в Европе официально является инструментом поддержания не только неядерного, но и ядерного сдерживания, как об этом написано в основных действующих программных документах НАТО². В США офицеры Стратегического командования и чиновники министерства обороны помещают ПРО ТВД среди инструментов противодействия приписываемой России доктрине «эскалация для деэскалации» [Kort et al., 2019: 78; Anderson, McCue, 2021: 44, 45]. Ряд гражданских экспертов соглашаются с тем, что ПРО ТВД вполне успешно может быть применена как средство противодействия доктрине «эскалация для деэскалации» [Kroenig, 2018: 17–18; Kofman, Fink, Edmonds, 2020: 26, 65, 75].

В анализе возможной роли региональной ПРО в сдерживании применения ядерных ракет малой и средней дальности следует учитывать условия, при которых РФ может применять ядерное оружие. Официальные представители РФ отрицают наличие у России доктрины «эскалация для деэскалации»³. Согласно Основам политики РФ в области ядерного сдерживания от 2020 г., ядерное оружие будет применено Москвой в одной из четырёх ситуаций⁴. Учитывая характер описанных ситуаций, наличие у противника региональной ПРО вряд ли станет сдерживающим фактором для применения, например, ядерных оперативно-тактических ракет.

¹ Statement of Ms. Leonor Tomero Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear and Missile Defense Policy before the Senate Armed Services Committee on Missile Defense. 09.06.2021. P. 6; Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 71, 77.

² См. Deterrence and Defence Posture Review. North Atlantic Treaty Organization, May 2012; Brussels Summit Communiqué ... 2021.

³ Посол Антонов назвал ошибочными слова о выработке РФ доктрины "эскалация для деэскалации". ТАСС, 9.4.2019.

⁴ Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», п. 19.

Даже если придерживаться сценария, предполагаемого руководством НАТО и западными экспертами, и допустить наличие у России доктрины «эскалация для деэскалации», необходимо принимать во внимание факт того, что, если хотя бы одна ядерная боеголовка преодолет такую систему ПРО, это может привести к тяжёлым последствиям для защищающейся стороны. Построение эффективной ПРО (в том числе, региональной) от ядерных ракет всё ещё находится под большим вопросом [Золотарёв, 2019]. Соответственно, эффективное сдерживание с помощью ПРО ТВД применения указанных ракет в ядерном оснащении вряд ли возможно.

Гораздо более сложна ситуация с ролью региональной ПРО в сдерживании наступления со стороны РФ с применением неядерных вооружений в рамках рассматриваемого сценария.

Согласно «Обзору ПРО-2019», региональная ПРО сдержит ракетные атаки по развёрнутым в различных регионах мира войскам США и их союзников, даст Вашингтону дополнительное время и варианты ответа на агрессию помимо нанесения удара¹. Гражданские эксперты утверждают, что наличие региональной ПРО поднимет порог агрессии с применением неядерных вооружений, в частности, со стороны РФ². Делается вывод, что региональная ПРО занимает место среди инструментов контроля эскалации наряду с ракетами средней дальности [Kaushal, 2019: vi; Fröling, 2016: 93; Karako, 2016]. Соответственно, от успеха сдерживания применения Россией указанных ракет зависит успех всего сдерживания предполагаемой российской агрессии.

Системы ПРО ТВД предлагается развернуть так, чтобы обеспечить защиту только командных центров, передовых развёрнутых войск, военных баз, складов, систем “*Aegis Ashore*”, транспортных узлов и больших населённых пунктов [Karako, 2016: 6–7; Fröling, 2016: 91; Kühn, 2018: 60, 69].

С учётом всего вышесказанного можно ответить на вопросы о вкладе ПРО ТВД в сдерживание применения Россией неядерных ракет в рамках предполагаемого в НАТО сценария. Для целей анализа примем тезис, что у российского руководства есть и намерение к наступлению, и достаточно времени для его подготовки³. Чтобы гарантировать успех, российская сторона будет осуществлять быструю операцию только при наличии средств, достаточных для преодоления ПРО НАТО.

Хотя испытания систем ПРО ТВД гораздо более успешны, чем испытания стратегической ПРО, с учётом опыта боевого применения систем “*Patriot*” Саудовской Аравией в 2015-2020 гг. [Williams, Shaikh, 2020: 24–25] российская сторона вполне может исходить из возможности преодоления данной системы имеющимися у Рос-

¹ См. Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 27, 29-30.

² В экспертном сообществе западных стран есть разные взгляды на эффективность ПРО ТВД как части регионального сдерживания. Подробный анализ этих обсуждений и критический разбор доводов администрации США и различных групп экспертов был дан автором ранее [Криволапов, 2021].

³ Западные эксперты, как правило, не рассматривают ситуации, которые Москва может воспринять как угрожающие национальной безопасности РФ. Например, появление у НАТО планов по развёртыванию в Прибалтике неядерных ракет малой и средней дальности или элементов стратегической ПРО.

сии ракетами¹. Это означает, что наличие у НАТО систем ПРО ТВД не сможет сдержать применение указанных неядерных ракет в рамках такого сценария, если у РФ есть чёткое намерение к наступлению и уверенность в преодолении этих систем ПРО. Это уверенность в том, что количества имеющихся у России ракет достаточно для гарантированного поражения намеченных объектов, а её гиперзвуковые ракеты способны с ещё большей вероятностью преодолевать имеющиеся в НАТО системы региональной ПРО. При этом учитывается, что гиперзвуковые ракеты очень дорогие и их не может быть большое количество.

В теории также возможна ситуация, где у российской стороны нет возможности выделить на решение задач нужное количество какой-то из частей ракетного арсенала (либо гиперзвуковых, либо обычных ракет) для гарантированного поражения ограниченного числа наиболее важных объектов в рамках поддержки указанного наступления. Исходя из логики западных экспертов, Москва заинтересована в быстрой операции. Таким образом, наличие у НАТО систем ПРО ТВД, численно превосходящих российские возможности в сфере ракетных систем, может сдержать российское наступление. Тогда Россия продолжит наращивание соответствующих ракетных комплексов в субрегионе. В такой ситуации возникает другой вопрос: укрепит ли региональная ПРО обстановку в сфере региональной стабильности?

Влияние на стабильность

В трудах Т. Шеллинга и других теоретиков сдерживания разобраны ситуации, где описанные в сценариях западных экспертов шаги (вторжение, ракетные удары) не всегда являются результатом односторонней инициативы. Иногда это следствие ситуации, где предполагаемый агрессор оказывается в условиях, которые он по каким-то причинам воспринимает как безвыходные для себя [Mazarr et al., 2018: 1–2]. Существует риск скатывания к войне из-за действий, которые изначально призваны сдержать агрессора [Schelling, 2008: 225].

Сдерживание как таковое связывается в первую очередь с препятствованием намерению, которое уже сформировалось у потенциального агрессора. Стабильность подразумевает ситуации, когда ни у одной из сторон нет стимула к агрессии, то есть отсутствие кризиса. Рассмотрим ситуацию, где у России изначально нет намерения ни к вторжению, ни к ракетным ударам. В этом случае её вооружённые силы вблизи Прибалтики построены только для осуществления защиты от потенциальной агрессии со стороны альянса. В непосредственной близости находятся Санкт-Петербург, база Балтийского флота в Кронштадте и уязвимая для блокирования Калининградская область. С учётом этого, приведёт ли к напряжённости усиление странами НАТО архитектуры ПРО ТВД в странах Балтии и Польше?

С одной стороны, это усиление может и не привести к обострению обстановки. По оценкам западных экспертов, в подразделениях вооружённых сил РФ под

¹ О потенциально низкой эффективности систем “Patriot” против ракет «Калибр» и «Искандер» говорили некоторые западные эксперты. Например, [Kühn, 2019: 158; Simon, Lanoszka, 2020: 20].

Санкт-Петербургом, вблизи границы с Эстонией и Латвией, а также в Калининградской области имеется в общей сложности 33 батареи систем ПВО/ПРО (С-300 и С-400)¹. Сопоставимые с ними системы “Patriot” в этом субрегионе пока не развернуты. В 2022 г. ожидается поставка закупленных Польшей двух батарей “Patriot” [Frisel et al., 2021: 91]. Данные системы уже есть у Германии (до 14 батарей) [Friesel et al., 2021: 103] и США (до 12 батарей на территории Германии). У остальных стран альянса подобных систем ПРО меньше. Таким образом, всего НАТО располагает около 26 батареями, теоретически доступными для быстрой переброски в страны Балтии². У России есть численный перевес по данным системам в рассматриваемом субрегионе. Исходя из этого можно предположить, что небольшое добавление в данный район подобных комплексов со стороны НАТО может и не привести к напряжённости. Например, Россия практически никак не отреагировала на закупку Польшей и Швецией систем “Patriot”.

В то же время стягивание в район более значительного числа (более 4 батарей) таких систем с целью уравнивать возможности сторон в сфере ПВО/ПРО может быть воспринято Москвой как подготовка к более решительным действиям или попытка оказания давления³. Тогда это приведёт к стягиванию в регион дополнительных российских ракет [Kühn, 2019: 158], включая, возможно, гиперзвуковых⁴.

Дополнительное развёртывание указанных наступательных ракет со стороны России может быть продиктовано поддержкой концепции неядерного сдерживания. Согласно военной доктрине РФ от 2014 г., неядерное сдерживание – комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против РФ неядерными средствами⁵. Это включает «демонстрацию готовности к реализации угрозы нанесения неядерными средствами в ответных или упреждающих действиях ущерба жизненно важным интересам и объектам государств – потенциальных агрессоров, заведомо превышающего выгоды от осуществления агрессии» [Буренок, Ачасов, 2007: 12]. Как признают западные эксперты, ПРО ТВД может ограничить или исключить для Москвы некоторые варианты неядерного сдерживания на региональном уровне, в частности, «помешать до-

¹ Подробнее об этом, см. [Музыка, 2021: 39, 50].

² В данном сценарии не рассматривается возможность стягивания в Балтийское море дополнительных кораблей с системами “Aegis” и противоракетами SM-2 и SM-6 для прикрытия портов, так как предполагаемое наличие у них КРМБ делает их априори более дестабилизирующим фактором чем системы “Patriot”.

³ Для сравнения: в самые опасные периоды противостояния с Ираном (май 2019 г. и март 2020 г.) США разворачивали на Ближнем Востоке дополнительно всего 1-3 батареи для прикрытия ключевых объектов.

⁴ Появление гиперзвуковых вооружений в регионе во время кризиса само по себе может дестабилизировать ситуацию. Потому что при применении гиперзвуковых ракет в региональном контексте у противостоящей стороны (1) практически нет времени на реакцию, (2) неизвестна мишень этих ракет и (3) доподлинно неизвестно оснащение таких ракет – ядерное или неядерное.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Ноябрь 2014. С. 4.

зированной и гарантированному выполнению задач деэскалации» [Johnson, 2017: 74]. Преодоление ПВО/ПРО является важным фактором обеспечения неядерного сдерживания [Кокошин, 2014: 201].

Таким образом, возможны два варианта развития событий. Если российская сторона уверена в способности своих наступательных ракет, уже имеющихся вблизи Балтии, преодолеть системы региональной ПРО НАТО для выполнения неядерного сдерживания, то вероятность дополнительного развёртывания российских наступательных ракет в регионе объективно снижается, как и вероятность эскалации. Если подобной уверенности в Москве нет (например, низкая численность ракет), то вероятность дополнительного развёртывания российских ракет в регионе повышается.

В ситуации кризиса высока вероятность недопонимания намерений друг друга. В НАТО могут быть опасения насчёт стран Балтии, а в Москве могут быть опасения о возможности блокирования Калининграда, даже если ни то ни другое не является замыслом соответствующей стороны. В этих условиях действия любой из них по наращиванию сил и средств в субрегионе будут интерпретироваться именно как подготовка агрессии. Так продолжится цикл «действия – противодействия».

Во время кризиса, если руководство РФ посчитает, что противник изготовился к нанесению удара (в том числе ограниченного), то в рамках концепции неядерного сдерживания может быть принято решение о нанесении «по жизненно важным объектам противника высокоэффективных выборочных ударов, не связанных с потерями населения и живой силы противника» [Буренок, Ачасов, 2007: 13]. Среди возможных целей этих неядерных ударов могут быть такие объекты в странах НАТО, как носители КРМБ и КРВБ, корабли с системами ПРО, РЛС [Пономарёв, Поддубный, Полегаев, 2019: 100], наземные центры радиоэлектронной разведки, крупные корабли аналогичного назначения, узлы связи и управления [Кокошин, 2014: 201]. Решение о демонстрационных ударах будет принято, только если сложившуюся ситуацию воспримут как крайне опасную, и тогда наличие ПРО у данных объектов не сможет сдержать применение по ним неядерных ракет.

Объём статьи не позволяет полностью изучить в данном контексте фактор развёртывания ракет меньшей и средней дальности в странах НАТО. Для более полной картины доктрин обеих сторон в сфере неядерного регионального сдерживания необходимо указать, что у США также есть концепция, предусматривающая применение неядерных высокоточных вооружений по изготовившемуся к ракетной атаке противнику (меры ПРО “left-of-launch”)¹. Она распространяется и на региональную ПРО². Применение этих мер возможно как после непосредственного начала конфликта, так и до его начала³.

¹ Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 60.

² U.S. Missile Defense Policy. Prepared Remarks by Dr. Robert M. Soofer before the Senate Armed Services Committee. 09.06.2021, p. 2.

³ Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability, U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff, 10.05.2017, p. 1.

Заключение

С учётом анализа представленного западными экспертами сценария российско-го наступления в Прибалтике усиление региональной ПРО НАТО (включая ПВО/ПРО) не поможет сдержать применение Россией указанных ракет в ядерном оснащении как ответ на одно из четырёх условий, описанных в Основах политики РФ в области ядерного сдерживания от 2020 г., и даже как ответ в рамках приписываемой России концепции «эскалация для деэскалации». Положения западных военных чиновников и гражданских экспертов здесь неубедительны. В то же время подобное усиление ПРО ТВД блока НАТО в большинстве случаев поможет сдержать применение Россией неядерных ракет. Здесь взгляды представителей военно-политического руководства и экспертного сообщества стран НАТО более аргументированы. Однако необходимо учитывать, что в ситуации, когда потенциал ПРО ТВД превышает потенциал наступательных ракет, всё равно создаётся угроза региональной стабильности.

С одной стороны, наличие у России большого числа систем ПВО/ПРО вблизи Балтии и низкая оценка эффективности ПРО НАТО против указанных российских ракет могут снизить вероятность резкого ответа Москвы на усиление данной ПРО. С другой, – сопоставление доктринальных положений США и РФ в области регионального неядерного сдерживания показало, что существенное усиление архитектуры оборонительных вооружений (более 4 дополнительных батарей систем “Patriot”) может быть воспринято в Москве как подготовка противодействия её концепции неядерного сдерживания и потребовать стягивания дополнительных ракетных комплексов к субрегиону.

При этом западные эксперты и военно-политическое руководство НАТО периодически повторяют, что для эффективности регионального сдерживания России нужно не только усиление ПРО ТВД, но и неядерные наступательные ракеты с дальностью менее 5500 км. При том, что у обеих сторон имеются концепции упреждающих неядерных ударов по изготовившемуся к атаке противнику, а также есть недопонимание в сфере ядерных доктрин хотя бы одной из сторон (например, споры об «эскалации для деэскалации»), усиление архитектуры региональной ПРО НАТО (включая ПВО/ПРО) будет иметь, скорее, негативный эффект для региональной стабильности. Присутствует риск возникновения цикла «действие – противодействие» в сфере наращивания вооружений в регионе, а в случае обмена ограниченными ударами неядерными ракетами – ещё и в сфере ударов по противнику. Таким образом, при всём, на первый взгляд, исключительно оборонительном характере ПРО ТВД эти системы нельзя признать надёжным средством стабилизации в рассматриваемом регионе. Это означает, что для укрепления региональной стабильности не видно более разумной альтернативы, чем варианты контроля над вооружениями и режимы прозрачности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буренок В.М., Ачасов О.Б. (2007) Неядерное сдерживание. *Военная мысль*, № 12. С. 12–15.

Есин В.И. (2017) Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, № 4. С. 3–41.

Дворкин В.З. (2019) Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения. *Мировая экономика и международные отношения*, № 8. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Золотарев П.С. (2019) Ядерные аспекты военной политики и российско-американские отношения. *Россия и Америка в XXI веке*. Выпуск 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (дата обращения: 12.06.2020) DOI: 10.18254/S207054760004694-0.

Кокошин А.А. (2014) Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание: приоритеты современной эпохи. *Вестник РАН*, № 3. С. 195–205. DOI: 10.7868/S0869587314030086.

Криволапов О.О. (2021) Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 1. С. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Пономарёв С.А., Поддубный В.В., Полегаев В.И. (2019) Критерии и показатели неядерного сдерживания: военный аспект. *Военная мысль*, № 11. С. 97–100.

The Influence of the NATO Regional Missile Defense on the European Security

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

O.O. Krivolapov*

Candidate of Science (Politics)

Institute for the U.S. and Canadian studies, Russian Academy of Sciences,

2/3, Khlebny per., Moscow, Russia, 121069.

***E-mail:** o.krivolapov@iskran.ru

Abstract. The problem of missile defense is considered by Russian researchers, first of all, as part of the strategic stability problem in relations between Russia and the United States. At the same time, the impact of regional missile defense (theater missile defense) on the regional security remains largely unexplored. The U.S. and NATO leadership continue to claim that Russia has deployed intermediate-range missiles in the European part of the country. As a response to this step, in addition to other measures of regional deterrence towards Russia, it is planned to strengthen

NATO's regional missile defense system. The purpose of the article is to determine the potential impact of enhancing NATO's theater missile defense on regional security. The answer to this question is important for understanding the prospects for European security. The article provides a critical analysis of Western experts' scenarios of actions of Russia and NATO around the Baltic countries, the place and role of theater missile defense in these scenarios, and compares the doctrinal guidelines of the US and Russia regarding regional non-nuclear deterrence. There are situations in which NATO's enhanced regional missile defense could strengthen regional deterrence, and there are situations where this is less likely. Taking into account the doctrinal guidelines of both sides, conclusions are drawn about the destabilizing potential of NATO's regional missile defense enhancement and that, in strengthening regional stability, there is no alternative to arms control and transparency regimes.

Key words: regional missile defense, theater missile defense, NATO, Russia, deterrence, political-military crisis, non-nuclear deterrence, left-of-launch, escalate to de-escalate.

DOI: 10.31857/S020170832203010X

EDN: GGOQUV

REFERENCES

- Anderson J., McCue J. (2021) Deterring, Countering, and Defeating Conventional-Nuclear Integration. *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 15, Issue 1, pp. 28–60.
- Brauß H., Rácz A. (2021) Russia's Strategic Interests and Actions in the Baltic Region. Berlin: German Council on Foreign Relations.
- Burenok V., Achasov O. (2007) Neyadernoe sderzhivanie [Non-nuclear deterrence]. *Voennaya Mysl*, No 12, pp. 12–15. (In Russian).
- Esin V. (2017) Amerikanskaya i rossiiskaya sistemy protivoraketnoi oborony i strategicheskaya stabilnost [The U.S. and Russian missile defense systems and strategic stability]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, No 4, pp. 3–41, (in Russian).
- Dvorkin V. (2019) Vliyanie system PRO na strategicheskuyu stabilnost i perspektivy yadernogo razoruzheniya [Impact of missile defense systems on strategic stability and prospects for nuclear disarmament]. *World Economy and International Relations*, No 8, pp. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12, (in Russian).
- Frisel E.H. et al. (2021) Western Military Capability in Northern Europe. Part II: National Capabilities. Stockholm: FOI.
- Früling S. (2016) Managing escalation: missile defence, strategy and US alliances. *International Affairs*, Vol. 92, Issue 1, pp. 81–95.
- Hodges B., Bugajski J., Wojcik R., Schmiedl C. (2020) One Flank, One Threat, One Presence. A Strategy for NATO's Eastern Flank. Center for European Policy Analysis.
- Johnson D. (2017) Russia's Conventional Precision Strike Capabilities, Regional Crises, and Nuclear Thresholds. Livermore, Lawrence Livermore National Laboratory.

Karako T. (2016) *Looking East: European Air and Missile Defense after Warsaw*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Kaushal S. (2019) *A critical enabler for power projection: Options for a UK missile defense capability in an age of escalation control*. London: Royal United Services Institute.

Kelly T., Gompert D., Long D. (2017) *Smarter Power, Stronger Partners*. Vol. II. Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica: RAND Corporation.

Kofman M., Fink A., Edmonds J. (2020) *Russian Strategy for Escalation Management*. Evolution of Key Concepts. Arlington: CNA.

Kokoshin A. (2014) *Strategicheskoe yadernoe i neyadernoe sderzhivanie: priorityy sovremennoi epohi* [Strategic nuclear and non-nuclear deterrence: priorities of the modern era] *Vestnik RAN*, No 3, pp. 195–205. DOI: 10.7868/S0869587314030086, (in Russian).

Kort R., Bersabe C., Clarke D., Di Bello D. (2019) *Twenty-first century nuclear deterrence operationalizing the 2018 Nuclear Posture Review*. *Joint Forces Quarterly*, No 3 (94), pp. 74–79.

Krivoлапов О. (2021) *Discussii o roli amerikanskoi PRO teatra voennykh deistvii v regionalnom sderzhivanii Rossii i Kitaya* [Debates on the role of the U.S. theater missile defense in regional deterrence of Russia and China]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, No. 1, pp. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84, (in Russian).

Kroenig M. (2018) *A Strategy for Deterring Russian Nuclear De-Escalation Strikes*. Washington DC: Atlantic Council.

Kühn U. (2018) *Preventing Escalation in the Baltic*. A NATO Playbook. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Kühn U. (2019) *Between a rock and a hard place: Europe in a post-INF world*, *The Non-proliferation Review*, Vol. 26, No. 1–2, pp. 155–166. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593677.

Mazarr M. et al. (2018) *What deters and why*. Exploring requirements for effective deterrence of interstate aggression. Santa Monica: RAND Corporation.

Muzyka K. (2021) *Russian Forces in the Western Military District*. Arlington: CNA.

Ponomarev S., Poddubny V., Polegaev V. (2019) *Kriterii i pokazateli neyadernogo sderzhivania: voennyi aspekt* [Criteria and indicators of non-nuclear deterrence: military aspect] *Voennaya Mysl*, No 11, pp. 97–100, (in Russian).

Rogov S. (2021) *Global and Regional Stability in the Nuclear World*. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, No 3, pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.

Schelling T. (2008) *Arms and Influence*. New Haven: Yale University Press.

Simon L., Lanoszka A. (2020) *The Post-Inf European Missile Balance: Thinking About NATO's Deterrence Strategy*, *Texas National Security Review*, Vol. 3, Issue 3, pp. 13–30.

Thielmann G. (2020) *Incorporating Missile Defense in Strategic Arms Control*. Deep Cuts Issue Brief #12.

Williams I., Shaikh S. (2020) *The Missile War in Yemen*. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Zolotarev P. (2019) *Yadernye aspekty voennoi polotiki i rossiisko-amerakanskie otnosheniya* [Nuclear Aspects of Military Policy and Russian-American Relations] *Rossiia i Amerika v XXI veke*. Issue 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed: 12.06.2020). DOI: 10.18254/S207054760004694-0, (in Russian).